

**ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И КОЛЛЕКТИВНОЕ
ТОВАРИЩЕСТВО: РЕЖИМЫ СОБСТВЕННОСТИ
И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В САДОВОДЧЕСКИХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ТОВАРИЩЕСТВАХ
ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ 2000-х гг.**

Статья посвящена вопросу о том, как на микроуровне повседневных отношений между людьми в российском обществе происходит адаптация к новым реалиям, принесенным попытками внедрения рыночной экономики. Представлены результаты полевого антропологического исследования, проводившегося в садоводческих некоммерческих товариществах (СНТ) Ленинградской области в 2007–2012 гг. в рамках диссертационного проекта автора. Садоводческие товарищества — тип организации, унаследованный от социалистического порядка и несущий специфические коллективистские черты, не совместимые с идеальной моделью рыночной экономики, ориентированной на примат частной собственности и интересов индивида. Поиски ответа на поставленный вопрос велись в двух основных областях жизни СНТ, где, как показывают полевые материалы автора, актуализируется проблема адаптации новой социально-экономической модели: отношения между соседями вокруг границы их участков и отношения в сообществе в целом вокруг имущества общего пользования товарищества. Результаты свидетельствуют о том, что при выраженном стремлении к атомизации в садоводческих сообществах сейчас идет поиск новых форм социальной солидарности и упорядоченности. При этом задействуются и новые, появившиеся при капитализме, и прежние, выработанные в социалистическую эпоху и специфические для нее, механизмы и нормы. Причем механизмы, унаследованные от социалистических отношений, в современной ситуации зачастую оказываются вне правового поля, особенно это касается прав и обязанностей, связанных с общей или коллективной собственностью. Между тем в современном законодательстве о садоводствах заложена возможность ликвидации юридической формы СНТ в долгосрочной перспективе. Материалы исследования свидетельствуют, что в определенных условиях садоводческие товарищества показывают себя эффективной формой организации землепользования горожан в сельской местности. Возможно, более тщательная проработка правовых отношений, возникающих вокруг общей собственности, позволила бы сохранить этот вид объединения граждан.

Касаткина Александра Константиновна — младший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии Российской академии наук (alexkasatkina@gmail.com)

Kasatkina Alexandra — junior researcher of the Museum of Anthropology and Ethnography (Russian Academy of Sciences), PhD student (alexkasatkina@gmail.com)

Ключевые слова: антропология постсоциализма, собственность, управление общими ресурсами, садоводческое товарищество, соседские отношения.

Центральную проблему этой статьи мне подсказал А., профессиональный социолог и дачник с 20-тилетним стажем, когда мы разговаривали, сидя на влажных после недавнего дождя стульях перед его садовым домом. Он обратил мое внимание на противоречие между сохранившейся с советского времени формой садоводческого товарищества, которая предполагает коллективность, и правом частной собственности на отдельные участки, которое, по его мнению, освобождает садовода от необходимости считаться с интересами товарищества (И7)*. Наглядной иллюстрацией его словам служил глухой железный забор, недавно появившийся в нескольких метрах от крыльца его домика и бросивший густую тень на его летнюю кухню и ведущую к дому дорожку.

Марксистская, по сути, гипотеза А. о том, что смена экономического режима привела к изменению социальных и политических отношений, созвучна вопросам, которыми сейчас задаются антропологи, изучающие постсоциалистические общества. Так, в статье, посвященной проблеме выделения частной собственности в едином домене государственного владения, который господствовал при социализме, К. Вердери предлагает рассматривать либеральные реформы в странах Восточной Европы как «проект культурной инженерии, в котором переопределяются фундаментальные социальные идеи, включая не только «рынок», «демократию» и «частную собственность», но и идеи о правах, обязанностях, ответственности» (Verdery 1999: 54)**. Продолжая эту линию, авторы сборника, вышедшего в 2002 г., исследуют, как почти молниеносный переход к рыночным отношениям уживается с усвоенной ранее социалистической моралью и этикой, порицавшей и преследование личной выгоды в целом, и индивидуальную коммерцию в частности (Markets... 2002).

Иронизируя над упрощающей однозначностью западной экономической модели, подчас некритически воспринятой реформаторами, Вердери вводит термин *fuzzy property*, «неясная собственность», для тех режимов собственности, которые формируются в постсоциалистических контекстах снизу, в ответ на идущие сверху реформы, и представляют сложные сочетания капиталистических и социалистических черт (Verdery 1999: 55).

* Список информантов см. в конце статьи.

** См. там же краткий обзор литературы о разных аспектах приватизации в Восточной Европе, актуальный на конец 1990-х гг.: (Verdery 1999: 53). Можно добавить к списку Вердери вышедшие с тех пор сборники статей «Рынки и моральные принципы» (Markets and moralities 2002) и «Собственность под вопросом» (Property in question 2004), авторы которого заняты антропологической критикой понятия «собственность» в целом и используют постсоциалистические примеры лишь как одну из многих иллюстраций к своим тезисам.

Критикой формализма и упрощенчества современной экономической теории, а во многих случаях и практики, занимаются и исследователи режимов управления общими ресурсами (*commons*). Доминирующая либеральная модель основана на локковской идее о том, что только индивидуальный собственник способен наилучшим образом содержать имущество, в то время как в коллективном владении оно неминуемо придет в запустение (Hardin 1968). Анализ разных случаев общей собственности позволил обнаружить альтернативные модели пользования общими ресурсами, которые способны поддерживать их в стабильном состоянии, прежде всего в небольших традиционных сообществах (Остром 2010 [1990]).

Садоводческие товарищества (СТ) начали создаваться при советских предприятиях и организациях в 1950-е гг. с целью дополнительного обеспечения людей продовольствием. Вступая в СТ, городские рабочие и служащие получали в бессрочное пользование садовые участки по 6 (иногда по 4, 8 или 12) соток размером с условием их обработки. Садоводческие объединения были частью сферы социального обеспечения государственных предприятий, которая после их приватизации оказалась разрушена. Земли садоводств, до тех пор находившиеся в государственной собственности, подлежали передаче в частную собственность их пользователей, при этом форма СТ сохранялась. Современные СТ, таким образом, представляют собой подходящее поле для исследования последствий приватизации на микроуровне, в небольших сообществах, изначально созданных на специфически социалистических основаниях.

Эта статья посвящена вопросу о том, как экономические реформы 1990-х гг., которые проводились сверху и привели, прежде всего, к появлению новых экономических и политических элит, были восприняты на низовом уровне. Как люди, воспитанные при социализме, реагируют на идеи, стоящие за капиталистическими реформами? Как смена режима собственности отражается на отношениях внутри микросообществ, построенных вокруг общего пользования имуществом? Что происходит с коллективными формами собственности, сохранившимися с советских времен?

Материал и метод

Мое исследование основывается на материалах полевой работы, собранных в рамках моего диссертационного проекта, который непосредственно не связан с темой собственности. Я проводила полуструктурированные интервью с целью получить биографический рассказ о садовом участке информанта. Моими информантами были люди 1930–1950-х гг. рождения, то есть те, кто имеет значительный опыт жизни в советское время. Свои дачные участки они получали преимущественно в 1980-е или в начале 1990-х гг. Это означает, что они стали свидетелями трех режимов собственности: социалистического, переходного режима, который действует с реформ начала 1990-х до сих пор, и нового капиталистического режима, смутные очертания которого в СНТ еще только вырисовываются на горизонте. В статье использованы материалы 20 интервью с 25 информантами из 13 разных СНТ Ленинградской области и 1 экспертного

интервью с сотрудником Земельной палаты одного из районов Ленобласти, а также наблюдения из полевого дневника автора за 2007–2012 гг.

Фрагментированность и случайность информации, которую дает материал, собиравшийся для другой темы, определили метод его анализа. Ориентируясь на свой исследовательский вопрос о связи между режимом собственности и социальными отношениями, я искала в своих интервью точки, где пересекались бы темы вещей (и в частности «больших» вещей — недвижимого имущества, поскольку именно его в первую очередь коснулась смена режима) и отношений между людьми. В итоге удалось выделить два узловых момента: границы садовых участков и соседские отношения, общее имущество садоводства и отношения в коллективе в целом.

Современные СНТ* и приватизация: нормативный аспект

С задачей глубокого анализа современного законодательства, касающегося собственности в садоводческих объединениях, гораздо лучше справятся профессиональные юристы, так что здесь я лишь намечу наиболее важные для моей темы моменты. Законодательство, находящееся в фазе становления, часто модифицируется в ответ на возникающие практики правоприменения. Это особенно актуально для садоводств, которые в 1990-е гг. оказались в ситуации правового вакуума и были вынуждены вырабатывать свои способы решения проблем. Поэтому я буду говорить не только о правовых нормах, но и о практиках, которые возникали в ответ на них или помимо них и определили сегодняшнюю ситуацию в СНТ.

От бессрочного пользования к частной собственности

В советское время садовые участки давались членам СТ на праве бессрочного пользования, которое фактически было разрешено передавать по наследству (Постановление 1949. Пункт 7). На практике право пользования участком было очень близко к владению им, и различие, видимо, не ощущалось. Так, все мои информанты, которые, прежде чем получить участок в садоводстве, снимали дачу, обязательно говорили о разнице своих ощущений на «чужой» съемной даче и на «своем» садовом участке, где они могли почувствовать себя хозяевами (И1, И9, И23). Точно так же и жилье в советское время де юре принадлежало государству и сдавалось гражданам внаем, но воспринималось ими как свое собственное (ср. размышления об этом В. Высоковского (Высоковский 2001: 165)).

В результате экономических реформ начала 1990-х гг. садоводческие товарищества стали независимыми кооперативными организациями. Земли, на которых они находились, теперь формально принадлежали государству и подлежали бесплатной передаче в собственность членов СТ (Закон 1990. Ст. 5, ст. 8). Механизмы государственной регистрации права собственности еще не были разработаны, и общий порядок так называемой упрощенной процедуры, дей-

* Садоводческие некоммерческие товарищества, такое название прежние садоводческие товарищества получили после 1998 г.

ствовавшей для СТ, был таков: председатель СТ подавал список членов товарищества в районную администрацию и получал в ответ постановление о закреплении за коллективом членов СТ права коллективно-совместной собственности на земли общего пользования и коллективно-долевой собственности на земли отдельных участков (И22). Таким образом, те, кто был принят в товарищество в советское время, автоматически становились собственниками своих участков — «долей» в коллективной собственности, но еще не частными собственниками.

Процедуры купли, продажи и наследования участков в садоводствах в 1990-е гг. продолжали совершаться в привычном с советских времен порядке: внутри товарищества, без государственной регистрации и какого-либо информирования власти о происходящем. Общее собрание исключало из товарищества продавца и принимало покупателя (или наследника) на основании их заявлений. Эта практика так называемого переписывания участков не казалась в садоводствах проблематичной, пока туда не начала проникать информация о том, что право на участок, полученное таким образом, не имеет юридической силы.

После принятия ряда законов, обеспечивающих необходимый механизм регистрации прав собственности (ФЗ № 122, Земельный кодекс РФ, ФЗ № 93 (так называемый закон о дачной амнистии) и проч.) можно говорить о начале второго этапа приватизации в садоводствах — оформления права частной собственности на участки, который длится по сей день.

Далеко не все садоводческие товарищества прошли даже первый этап приватизации в начале 1990-х гг. Так что сейчас в СНТ могут существовать и сосуществовать следующие виды собственности: государственная (если приватизация не была начата), коллективная совместная (на земли общего пользования), коллективная долевая (на земли участков), частная собственность физического или юридического лица.

Из-за массовых разделов земель общего пользования, которые начались в садоводствах в 1990-е гг., границы, обозначенные на официальных планах, в том числе границы между землями с разным юридическим статусом, часто не соответствуют действительности. Современное законодательство позволяет садоводам приватизировать фактически используемую землю в пределах некоторого установленного максимального размера, даже если ее размер и границы не соответствуют указанным в первоначальном плане. Это существенно усложняет процедуру приватизации, т. к. чтобы утвердить новые границы участков, нужно заново провести кадастровую съемку и межевание.

Садоводческое товарищество — пережиточная форма?

Отношения внутри СНТ регулируются их внутренними уставами, в основе которых лежит Федеральный Закон № 66 1998 г. «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» (ФЗ № 66). По сути, современное СНТ — кооперативная организация, создаваемая собственниками садовых участков для управления их общим имуществом — в первую очередь, инфраструктурными объектами. В то же время в самом за-

коне заложена потенциальная угроза существованию СНТ со стороны идущего процесса приватизации участков. Если в советское время членство в товариществе было обязательным условием права пользования садовым участком, то теперь закон разрешает собственнику, приватизировавшему свой участок, «вести садоводство в индивидуальном порядке», т. е. выйти из СНТ, но при этом продолжать пользоваться его имуществом за оплату по договору (ФЗ № 66, ст. 4, ст. 8).

На первый взгляд, такой «бонус» от оформления права частной собственности на участок кажется избыточным: зачем собственнику земли отказываться от права участия в принятии решений по вопросам управления инфраструктурой территории, где расположены его владения? Возможные цели этого положения становятся яснее, если рассматривать его в контексте заявлений председателя Союза садоводов России В.И. Захарьяшева о том, что рано или поздно СНТ должны быть ликвидированы и превращены в полноценные поселения (например: Захарьяшев 2012). Фактически этот закон содержит «бомбу замедленного действия», направленную на уничтожение объекта его регулирования, и в этом смысле его можно считать переходным.

Внутри либеральной экономики, основанной на приоритете частной собственности и экономической свободы индивида, СНТ действительно оказывается пережитком социализма. Во-первых, в нем сохраняется общая или коллективная собственность членов товарищества, функционирование которой в рыночной экономике проблематично. В случае превращения в поселение эта собственность перешла бы государству, соответственно, ситуация бы упростилась. Во-вторых, связь членства в товариществе и прав на участок вступала бы в противоречие с гарантией защищенности частной собственности. В то же время с исчезновением этой связи садоводческие товарищества утратили важнейший легитимный механизм давления на своих членов: СНТ по-прежнему может исключить из своих рядов человека за неуплату членских взносов, отказ от участия в общественных мероприятиях или другие нарушения, но отобрать у него приватизированный участок, находящийся в частной собственности, оно больше не имеет права.

Между тем именно этим механизмом воспользовались правления двух садоводств в Лужском и Приозерском районах Ленинградской области, чтобы справиться с тяжелыми последствиями переходного периода. Речь идет о проблеме пустующих участков, особенно актуальной в садоводствах, которые были основаны в начале 1990-х гг. В тяжелое перестроечное время многие отказались от своих участков, даже не успев начать их разрабатывать, или просто перестали приезжать и платить членские взносы, продолжая числиться в товариществе. В условиях, когда единственный источник средств на содержание общего имущества — это членские взносы, садоводству, где плательщиков недостаточно, не выжить. Для этих двух садоводств эти проблемы стояли особенно остро, поскольку оба они к началу 2000-х еще не обзавелись электросетями, а в одном не было даже дорог.

Поскольку оба эти садоводства в том или ином виде сохранили собственность на все свои земли, чтобы решить означенную проблему, они воспользо-

вались своим правом исключить пользователя неприватизированного участка, если он не разработал землю в течение трех лет и не выплачивал взносы, и лишить его права на участок. В СНТ, которое я наблюдала в 2011 г. в Лужском районе, изъятый участок передается за уплату долгов и вступительный взнос новому собственнику, который сразу же его приватизирует. То есть механизм, унаследованный от социалистической эпохи, здесь используется для скорейшего перехода к новому режиму собственности. В СНТ в Приозерском районе, о котором мне рассказывали в 2008 г., на тот момент такой участок просто передавался новому пользователю на том же условии регулярной выплаты взносов, но обычно не приватизировался, как мне объяснили, потому что эта процедура была слишком дорогой и сложной (И17). Таким образом, это товарищество сохраняло свое право изъять участок в случае недобросовестности нового владельца. В итоге уже к концу 2000-х гг. оба садоводства начали собирать достаточно взносов, чтобы принять участие в городской программе помощи СНТ и построить электросети и провести или отремонтировать дороги. Такой механизм был возможен только в условиях отсутствия частной собственности, но для этих садоводств он оказался важнейшим фактором выживания и успеха.

Современные СНТ представляют собой гибридные образования, сложившиеся в результате почти 20 лет самостоятельного существования вдали от контроля органов власти. Там сочетаются практики распоряжения имуществом, характерные для разных режимов, а особенности режима коллективной собственности, унаследованного с советских времен, могут использоваться в целях скорейшего перехода к новым формам собственности. Законодательство явно ориентировано на ликвидацию этой «неясной» (*fuzzy*) формы организации, вступающей в противоречие с идеалом эксклюзивной и защищенной частной собственности. Однако именно эта «неясность» дала тем СНТ, которые я наблюдала, возможность успешно функционировать и даже развиваться.

Частная собственность и соседские отношения

«В садоводстве же на самом деле, вот у вас, если у меня здесь сейчас все зарастет, то тому хозяину будет плохо. Понимаете, ему плохо будет, потому что солнце будет закрываться, участки маленькие, поэтому есть устав садоводства, который нужно соблюдать. А человек приватизировавший, он ничего не будет, он может ничего не соблюдать» (И17).

А. говорит об особенностях пространственной организации садоводческого товарищества, разбитого на участки по 6 соток, и о том, как они определяют отношения в сообществе: когда участки настолько малы и соседи так близко, чтобы избежать конфликтов, необходимо учитывать их интересы.

Дом или забор, возведенные на одном участке, могут бросить тень на другой и лишить его драгоценных квадратных метров пригодной для посадок земли. Потенциальным источником конфликтов может стать даже воздушная граница, если, например, провод, идущий к дому от линии электропередач, случайно оказался над чужой землей (И17). Как бы соседи ни старались соблюдать гра-

ницы своих земель, их визуальные, аудиальные и прочие сенсуальные пространства* неизбежно будут перекрываться. Вызывают раздражение музыка или разговоры с соседнего участка, чужие взгляды, запахи.

Для предотвращения конфликтов существуют Строительные нормы и правила (СНиП) для садовых участков. Они предписывают определенные расстояния между постройками и от постройки до границы, которые должны обеспечить пожарную безопасность, а также возможность каждому соседу ухаживать за своим домом или забором, оставаясь на своем участке. Возведение глухих заборов между участками запрещено, разрешены только «сетчатые или решетчатые» ограждения (СНИП 30-02-97). Однако, судя по свидетельствам моих информантов и моим личным наблюдениям, уже в конце 1980-х гг. строительные и планировочные нормы в садоводствах массово игнорировались, а в 1990-е гг. о них и вовсе перестали вспоминать. Между тем, казалось бы, соблюдение этих норм является предпосылкой и необходимым условием добрососедских отношений. Как выглядят соседские отношения в садоводствах, когда предписанные нормы не соблюдаются? Удалось ли выработать альтернативные способы избегания конфликтов с соседями? Играет ли здесь какую-то роль приватизация участков?

Все мои информанты говорят о важности мирных отношений с соседями на даче. Для одних это просто залог спокойного отдыха (И17, И23), для других приятное общение с соседями и друзьями — одна из неизменных составляющих дачного досуга (И5). Так или иначе, никому не хочется проводить время на даче в атмосфере напряженности и конфликта. Вместе с тем общее место не только собранных мной «дачных биографий», но и дачного дискурса в целом, — растущая атомизация в товариществах. Так об этом говорит М., инженер крупного советского предприятия на пенсии, который получил свой участок в 1982 г. и выполнял функцию представителя профкома в правлении своего садоводства: *«Сначала все жили дружно. Все дружно. А потом наступило время, когда все отгородились заборами и общались люди, по-моему, кто вот раньше дружил, и общались, когда приходил фургон с едой, вот там люди общались. Потом все заткнулись, и интерес к общественному, быту, общению, во многом нарушился»* (И8).

Здесь и в других подобных высказываниях просматривается общая нарративная схема о «золотом веке» дружбы и солидарности, который остался в прошлом, и пришедшей на смену эпохе атомизации.

Цикл перехода от первоначальной солидарности и открытости границ к последующей атомизации, кристаллизации структуры закрытых ячеек — это подходящее описание для истории развития многих коллективов, которые формируются с нуля, в том числе и садоводческого товарищества (ср. классическую идею В. Тернера о чередовании коммунитас и структуры в жизни общества (Тернер 1983)). В первые годы существования садоводства, которые для большинства моих информантов пришлись на трудное десятилетие 1980-х — начала

* О пространствах, определяемых границами восприятия различными органами чувств, и их значении в социальном взаимодействии см.: (Hall 1990 [1966]).

1990-х гг., высокая солидарность, взаимовыручка, коллективные инициативы были необходимы для преодоления многочисленных трудностей, связанных с освоением полученной земли в тяжелых условиях перестройки. Люди ночевали и хранили инструменты в чем-нибудь единственном построенном доме, скидывались, чтобы выкопать один колодец на несколько человек, и т. д. (И5, И8, И9). Когда участки были раскорчеваны и на них появились жилища, их владельцы естественным образом разошлись по своим домам, и общность распалась, а прежняя солидарность сохранилась лишь в узких кружках друзей или соседей.

К этой общей исторической канве разные люди предлагают разные смысловые наполнения и объяснения. М., как и некоторые другие, объясняет отчуждение, которое наблюдает в своем садоводстве, тем, что у бывших сотрудников одного предприятия, которые вместе с ним начинали осваивать эти земли, с возрастом исчезли прежние основания для солидарности: общее место работы, близкий материальный уровень. Кроме того, появилось много «чужих» — тех, кто купил участок позже, и с ними уже нет такого тесного общения (И8). Действительно, память о первоначальном «коммунитас» — уникальное достояние тех, кто был в садоводстве с самого начала, и она оценивается как важный но, к сожалению, утрачиваемый ресурс солидарности (И9).

Появляющиеся в последние годы в садоводствах заборы — это наиболее бросающийся в глаза признак перемен, о них говорят все мои информанты, правда, оценивают их, так же как и процесс атомизации, в целом, по-разному. С одной стороны, появление забора между соседями может интерпретироваться как признак отчужденности или даже конфликта. С другой, забор воспринимается и как способ упорядочивания территории и отношений между соседями, как получилось, например, у этой женщины и ее соседки: *«Заборчик... мы сделали... года 3 тому назад, наверно, из сетки. Но... это чисто не от того, что мы хотели от них отгородиться, вот у нас был... вот, например, у меня соседка... с одной стороны. У нас вся граница в такой траве, ни она не полет, ни я не полю. А когда мы поставили заборчик, то она со своей стороны там пополет, и я пополю, уже не такие заросли [смеется]... это даже с этой точки зрения... удобно, да»* (И19).

Замечу, что информантка все же считает нужным уточнить, что поставила забор не из враждебности к соседям, и подобные ремарки встречаются в других интервью. Например, строительство забора объясняют необходимостью контролировать перемещения маленького ребенка или собаки, т.е. неразумных членов семьи, не способных распознать границы участка. Это еще раз подтверждает, что солидарность в сообществе по-прежнему очень важна для садоводов, а двусмысленность забора, который может стать серьезной угрозой добрым отношениям, осознается не только его противниками, но и приверженцами.

Мой информант С. и его соседи нашли альтернативный способ упорядочить пространство между своими участками. Они намеренно не стали делать заборов, чтобы не портить друг другу вид сада: *«Мы не стали вот так, специально сделали, чтобы у нас как бы вот это пространство единым смотрелось, не от-*

городили. Вот их же сад украшает вид нашего участка, если стоишь тут на фоне этого сада. Как будто бы у нас, ну как единое такое пространство» (И5). Но чтобы как-то разграничить пространство, они проложили между своими участками «тропинку дружбы», по которой и ходят друг другу в гости.

Идущий в садоводствах процесс атомизации далеко не всеми рассматривается как негативное явление упадка. Большинство моих информантов скорее приветствуют упорядочивание пространства и отношений в сообществе. Нормы строительства и планировки уже не воспринимаются как пригодный способ такого упорядочивания, поскольку они ориентированы на жизнь в тесноте и скученности заложенного в советское время режима пространственной организации, а это никого не устраивает. Один мой информант случайно (по его словам) построил свой дом слишком близко к границе с соседями, и, чтобы исправить ситуацию, просто купил соседний участок (И17). Другие тоже стремятся увеличить свои участки, чтобы создать «буферную зону» между собой и соседями, быть подальше от них, но не из эгоизма или мизантропии, а чтобы свести к минимуму вероятность столкновения интересов (И11, И17).

Тема приватизации в связи с соседскими отношениями в моих интервью звучит только у А. в цитате, приведенной в начале раздела. Тем не менее, некоторые следствия приватизации для соседских отношений можно предположить. С одной стороны, мир между соседями — это необходимое условие успешной приватизации, поскольку для нее необходима фиксация границ участка в документах (межевание), а значит, их согласование с соседями. С другой, за прошедшие два бесконтрольных десятилетия накопилось очень много нарушений и неясностей с границами, и подчас необходимость межевания вынуждает раздувать тлевшие до этого много лет конфликты и нарушает тот худой мир между соседями, который всегда лучше доброй ссоры. По мнению сотрудника Земельной палаты одного из районов Ленинградской области, на сегодняшний день такие споры — главное препятствие, сдерживающее приватизацию садовых участков, и упрощение бюрократических процедур, введенное «законом о дачной амнистии», не в силах тут помочь (И22). Вместе с тем именно переход к частной собственности позволяет людям использовать альтернативный механизм улучшения отношений с соседями, а именно, легитимно купить землю и увеличивать свои участки.

Частная собственность и «имущество общего пользования»

Первым и главным следствием приватизации начала 1990-х гг. для садоводческих товариществ стало их отделение от сетей социального обеспечения предприятий. В советское время предприятия были обязаны помогать своим садоводствам, особенно в таких дорогостоящих мероприятиях, как мелиорация и создание инфраструктуры (дорог, электрических и водопроводных сетей и проч.). Когда садоводства отправились в самостоятельное плавание, забота об инфраструктурных объектах («имущество общего пользования», в терминологии ФЗ № 93) полностью легла на их плечи. С исчезновением в законодательстве связи между правом на садовый участок и членством в садоводческом товариществе все формы участия в содержании общего имущества, как выплаты

взносов, так и работа на субботниках, оказались, по сути, добровольным делом садоводов.

В садоводствах, прошедших первый этап приватизации, вся земля за пределами личных участков была отнесена к категории «коллективная совместная собственность». Судьба такой собственности — пожалуй, один из наиболее интригующих сюжетов, связанных с переходом к рыночной экономике. Если бы социалистическому режиму удалось выработать свою успешную модель коллективного пользования общими ресурсами, то СНТ с их смешанными режимами собственности могли бы стать подходящим местом для ее сохранения и развития. Что происходит с сохранившимися видами коллективной собственности при переходе к идеологии, которая отдает приоритет собственности частной? Как организуется содержание общего имущества в современных СНТ, предоставленных самим себе?

«Прирезки» и «огораживания»: «трагедия commons» в садоводствах

В садоводствах, создававшихся до перестройки, земли общего пользования, отведенные под объекты инфраструктуры, могли составлять значительную долю территории. Как только садоводства стали независимыми от предприятий, начались массовые разделы этих земель. Общие собрания садоводов принимали решения о выделении на них участков, которые передавались членам СТ либо в бессрочное пользование, либо на праве оплачиваемой аренды. На тот момент садоводствам было выгодно передать в руки садоводов как можно больше земли, а заодно и обязательств по налоговым выплатам. Вероятно, здесь можно видеть также локальный отклик на начавшуюся в стране приватизацию государственной собственности и эхо общих центробежных тенденций постперестроечной эпохи.

Как я уже упоминала, законодательство сейчас позволяет зарегистрировать право собственности на участок вместе с такими «прирезками». Таким образом, закон поддерживает стремление садоводов увеличить свои участки и вырваться из тесных границ унаследованной из прошлого пространственной организации. И мои информанты с удовольствием воспользовались возможностью «прирезать» к своему участку еще сотку-другую.

Еще одно проявление центробежной тенденции в современных садоводствах, затрагивающее имущество общего пользования, — это «огораживания», появление заборов или других преград, ограничивающих доступ на территории, находящиеся в коллективной собственности. Здесь неизбежны конфликты, в которых каждая сторона чувствует себя в своем праве, приводя разные аргументы. В одном садоводстве в Выборгском районе на территории товарищества оказались кусочки леса, принадлежащие лесничеству. В какой-то момент люди «прирезали» их к своим участкам и огородили заборами. Жители соседнего садоводства недовольны, потому что теперь им негде стало собирать грибы, а мои информанты уверены, что таким образом они защищают лес от неминуемой вырубki, фактически воспроизводя доводы Хардина против сохранения общих ресурсов в коллективной собственности (И13) (Hardin 1968).

Крайний случай «огораживания» — это когда к личному участку присоединяется часть дороги и тем самым перекрывается проход. Однажды я слышала разговор двух соседок, в котором одна поделилась с другой своим желанием выкупить кусок дороги у своего участка, чтобы создать тупик в конце улицы. Законным образом оформить такую покупку невозможно, это подтвердил мне сотрудник Земельной палаты в экспертном интервью (И22). Но высказанное намерение указывает на проблему с пониманием особого статуса имущества общего пользования и его связи с коллективными интересами, которая существует в современных садоводствах. Вероятно, формированию такого взгляда способствовала практика «прирезок», санкционированная сначала правлениями, а потом и законами, которые допустили их легитимацию.

В последние годы в садоводствах распространились «огораживания» на уровне микросообществ одной улицы или даже небольших соседств из нескольких домов, направленные на ограничение доступа чужих. В одном таком сообществе люди сами собрали деньги на ремонт своей улицы и перекрыли ее шлагбаумом, чтобы свести к минимуму ее использование (И3). Эти случаи, как представляется, не только находятся в русле атомизации, характерной для современного периода в жизни садоводств, но и вписываются в тенденцию к приватизации публичных пространств, которая наблюдается в городах по всему миру (важно помнить, что СНТ — это сообщества горожан, пусть и расположенные в сельской местности). Замечу, что в моих интервью тревогу по этому поводу высказывает только председатель садоводства, который осознает, что перекрывать проезд по дороге — это нарушение закона, и в случае чего ответственность ляжет на него (И3). Другие мои информанты, которые упоминают об этой теме, относятся к «огораживаниям» с пониманием, поскольку сами так или иначе участвовали в этой практике или хотели бы это сделать (И9, И13, И23).

Общее имущество — основа для солидарности или круговая порука?

Выше, говоря об атомизации, я уже цитировала М., который сравнивал прошлое и настоящее своего садоводства и с горечью отмечал растущую разобщенность и уменьшение «интереса к общественному, быту, общению» (И8). Во время нашего разговора эта реплика, к моему удивлению, прозвучала в ответ на мой вопрос о современном состоянии инфраструктуры в его садоводстве. Таким образом М. высказывает, по сути, республиканскую идею о связи между общим имуществом сообщества и степенью солидарности в нем (Res Publica 2007). Констатируя распад былой коллективности, он напоминает о втором смысле слова «товарищество» как сообщества товарищей и сетует, что в его СНТ это слово теперь имеет только технический смысл: *«То есть нет дружбы, коллективности. Никакое уже это не товарищество садоводческое. Не товарищество, нет. Это так оно просто называется “товарищество”»* (И8).

Для М. «товарищество» держится на дружбе, личных связях и совместном участии в заботе об общем имуществе. Наиболее непосредственная форма такого участия в садоводстве — это коллективная работа, например, в рамках субботника, более опосредованная — денежные взносы. Судя по воспоминаниям

моих информантов, еще в начале 1990-х такие работы в садоводствах пользовались значительно большим успехом, чем сейчас, возможно, потому, что другие возможности были ограничены, чтобы нанимать рабочих, не хватало средств. Личное участие в коллективной работе на общее благо имеет важное сплачивающее значение, которое невозможно компенсировать денежными выплатами. Тем не менее, в тех садоводствах, где мне приходилось бывать, люди предпочитают именно безличные формы участия, опосредованные деньгами, что вполне соответствует общему состоянию атомизации. В разговорах на общих собраниях или просто на улицах мне приходилось слышать мнения, что это более соответствует современности в противоположность «отсталой» практике коллективного труда на субботнике.

В современных садоводствах набирает силу позиция, которая рассматривает общее имущество и взаимозависимость, которую оно предполагает, не как основу для солидарности в товариществе, но как круговую поруку, оковы. Наиболее яркий ее представитель среди моих информантов — это В., бывший председатель своего садоводства, она приватизировала свой участок и вышла из СНТ в результате конфликта с новым председателем. Теперь она — неформальный лидер группы «индивидуальных землепользователей», или «индивидуалов», своего и соседнего садоводств. Точно так же, как и для других садоводов, для нее важна солидарность и добрососедские отношения в сообществе. Но необходимость делить с другими ответственность за общее имущество для нее — источник тягостной зависимости, а также постоянный генератор напряженности и конфликтов. Путь освобождения и примирения, который она предлагает, — это передача имущества общего пользования муниципалитетам и ликвидация СНТ, т. е. реализация идеи В.И. Захарьяшева, воплощенной в Законе об СНТ. В. полагает, что если ответственность за общее имущество выйдет за пределы сообщества садоводов, ничто не будет мешать мирному соседскому общению и настоящей «дачной жизни» (И6).

После перестройки люди в садоводствах удивительно легко расстались с идеей коллективной ответственности за общее имущество, что говорит о том, что при социализме здесь не сложилось устойчивой модели коллективного пользования собственностью. При этом сама по себе возможность приватизации земли, как представляется, не играет здесь роли: «прирезки» и «огораживания» возможны как раз на неприватизированных землях, у которых нет четко определенного хозяина. Тип солидарности на основе коллективной ответственности за общее имущество воспринимается как «пережиточный» и недостаточно упорядоченный, и потому порождающий конфликты.

Выводы

Проведенное исследование показывает, что сама по себе возможность приватизировать садовый участок не оказывает существенного влияния на отношения внутри товарищества. Она может разве что стать дополнительным фактором напряженности, если между соседями уже существует конфликт. Процесс атомизации, который, видимо, можно считать естественным на данном этапе существования исследуемых садоводческих сообществ, поддерживается

центробежными тенденциями в стране и особенно заметен, потому что теперь у людей появилось больше возможностей для обозначения и расширения границ своих владений. Но вместе с тем нельзя сказать, что идет полное обособление на уровне соседских отношений. Скорее люди стремятся упорядочить отношения и свести к минимуму возможные поводы для конфликтов.

Несмотря на общую тягу к атомизации, садоводы по-прежнему ценят солидарность внутри своих сообществ. Но те способы ее обеспечения, которые предлагала советская модель коллективности (соблюдение норм сосуществования в тесном пространстве, коллективное содержание общего имущества), больше не пользуются успехом и, более того, воспринимаются как источник напряжения. В садоводческих сообществах идет поиск новых форм солидарности и мирного сосуществования, в первую очередь, за счет увеличения индивидуальных участков и упорядочивания пространства при помощи оград.

Похоже, что современное законодательство направлено в конечном итоге на ликвидацию садоводств как формы организации, противоречащей идее частной собственности. Однако примеры успешного функционирования садоводств показывают, что эта форма может быть эффективной, если там сохраняется зависимость между членством в СНТ и правом пользования участком, которая обеспечивает необходимый механизм давления. В законодательстве, ориентированном на либеральную экономическую модель, нормой является частная собственность, в то время как общая собственность выступает как исключение и взаимные права и обязанности индивидов по отношению к ней проработаны слабо. Возможно, более тщательная законодательная разработка отношений общей собственности стала бы решением проблемы общего имущества в садоводствах и позволила бы сохранить СНТ и их преимущества как организационной формы.

Крушение социалистических режимов в странах Восточной Европы некоторые западные экономисты восприняли как победу капитализма в «холодной войне» (см. ссылки в: (Emigh 2005: 356)). Этнографическое исследование в СНТ оставляет впечатление, будто в таких маргинальных анклавах еще слышится эхо сражений между этими соперничавшими моделями общественного устройства. И хотя существенный перевес действительно на стороне капитализма, ни о закреплении полного комплекта соответствующих экономических практик, ни о безусловном принятии ценностей говорить не приходится. Наблюдается скорее отбор и адаптация тех черт либеральной модели, которые, по разным причинам, оказались востребованы.

В последние годы все чаще звучит вопрос, уместно ли говорить о пост-социализме через 20 лет после начала переходного периода, или теперь более продуктивно было бы рассматривать эти общества как самостоятельные, независимые от своего социалистического прошлого (Hann, Humphrey, Verdery 2002: 12). Проведенное исследование показывает, что в поиске новых форм социальной солидарности и порядка, который продолжается в российском обществе, до сих пор задействуются в том числе и механизмы, унаследованные от советского времени.

Литература и источники

Высоковский А. Уют — не-герой // Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история. М.: Три квадрата, 2001. С. 162–183.

Закон 1990. О земельной реформе. Закон РСФСР № 374-1 от 23 ноября 1990 г.

Захарьяшев В.И. «Партизанские» товарищества садоводов должны превратиться в реальные поселения // Гатчинская служба новостей [<http://smotri19-30.ru/index.php/vasiliiie-zaharyashev-partizanskie-tovarishstva-sadovodov-doljni-prevratitsya-v-realnie-poseleniya.html>]. Дата обращения 09.03.2012.

Земельный кодекс РФ 2001 г.

Остром Э. Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности. М., 2010 [1990].

Постановление 1949: О коллективном и индивидуальном огородничестве и садоводстве рабочих и служащих. Постановление СМ СССР № 807 от 24 февраля 1949 г.

Res Publica: возрождение интереса // Неприкосновенный запас, 2007, 5. [<http://magazines.russ.ru/nz/2007/55/re9.html>] Дата обращения: 06.06.2014.

СНИП 30-02-97 — Строительные нормы и правила от 30 февраля 1997 г.

Тернер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983.

ФЗ № 122: О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним. Федеральный закон РФ № 122 от 21.07.1997 г.

ФЗ № 66: О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан. Федеральный Закон РФ № 66 от 15 апреля 1998 г.

ФЗ № 93: О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской федерации по вопросу оформления в упрощенном порядке прав граждан на отдельные объекты недвижимого имущества. Федеральный закон РФ № 93 от 30 июня 2006 г.

Emigh R.J. The Great Debates: Transitions to Capitalism, in: *Remaking modernity. Politics, history and sociology*, ed. J Adams, E. Clemens, A. Orloff. Duke University, 2005, pp. 355–380.

Hall E. *The Hidden Dimension*. Anchor books, 1990 [1966].

Hann C., Humphrey C., Verdery C. Introduction, in: *Postsocialism. Ideals, Ideologies and Practices in Eurasia*. Routledge, 2002, pp. 1–27.

Hardin G. The Tragedy of the Commons, *Science*, 13 September 1968, 162, 3859, pp. 1243–1248.

Markets and Moralities. Ethnographies of Postsocialism, ed. by R. Mandel and C. Humphrey. Oxford, New-York: Berg, 2002.

Property in Question. Value Transformation in the Global Economy, ed. by K. Verdery, C. Humphrey. Oxford, New-York: Berg, 2004.

Verdery K. Fuzzy property. Rights, Power and Identity in Transylvania's Decollectivization, in: *Uncertain Transition: Ethnographies of Change in the Postsocialist World*. Rowman and Littlefield, 1999, pp. 53–81.

Список информантов*

И1 — женщина, 1944 г. р., инженер, Приозерский район

И3 — мужчина, 1953 г. р., артист балета, Лужский район

* Используется нумерация, принятая в полевом архиве автора. Приводится пол, год рождения, профессия и район Ленинградской области, где расположен садовый участок информанта.

Экономическая антропология

И5 — мужчина, 1947 г. р., инженер, Лужский район

И6 — 4 женщины, 1940–1950-х г. р., архитектор, инженеры, Лужский район

И7 — мужчина, 1947 г. р., социолог, женщина, 1946 г.р., Волховский район

И8 — мужчина, 1930 г. р., инженер, Лужский район

И9 — женщина, 1952 г. р., водитель, Волховский район

И11 — женщина, 1953 г. р., инженер, экономист, Всеволожский район

И13 — женщина, 1931 г. р., женщина, 1937 г.р., преподаватели, Выборгский район

И17 — мужчина, 1959 г. р., инженер, Приозерский район

И19 — женщина, 1938 г. р., инженер, Приозерский район

И22 — сотрудник Земельной палаты с 1984 г., Ленинградская область, эксперт

И23 — мужчина, 1950 г. р., инженер, Тосненский район